

Конфликт vs сотрудничество в советской науке 1930-х гг.: статусы, привилегии и партийность

В статье ставится задача выявления взаимосвязи между партийной принадлежностью ученых и их положением в статусной номенклатуре научного сообщества в 1930-е гг. В результате анализа статистической документации за 1937 год автор приходит к выводу о том, что взаимосвязь между партийностью научных работников, их карьерным и квалификационным ростом, обретением ими привилегий социально-бытового характера не прослеживалась; не наблюдалось и жесткого государственного запроса на «партийность» ученых. В связи с этим предлагается рассматривать историю взаимодействия власти и научного сообщества в 1930-е гг. с точки зрения не конфликта, а сотрудничества.

Ключевые слова: советская наука, ученые, партийная принадлежность, статусная номенклатура, привилегии.

К середине 1930-х гг. советская наука приобрела статусно-номенклатурные черты. Принципом ее функционирования стало прохождение определенных квалификационных ступеней в науке, позволяющих разделять научных работников на отдельных этапах академической карьеры. Ранжирование ученых логично лежало и в основе распределения социально-экономических благ и привилегий¹.

Разумеется, принцип ранжирования действовал и в 1920-е гг. Хотя официально аспирантура была введена в 1926 г. (сначала в виде экспериментального института практикантов при музеях АН СССР с защитой квалификационных работ, но без присуждения ученой степени²), еще в начале 1920-х вместо упраздненных

© Долгова Е.А., 2017

Грант Президента РФ для поддержки молодых ученых – кандидатов наук, проект МК-5264.2015.6

защит практиковались неофициальные научные диспуты³. Ученые степени (доктора и магистра) и звания (адъюнкта и приват-доцента, с соответствующей иерархией профессорских званий – заслуженный, ординарный, экстраординарный, адъюнкт-профессор и доцент) были отменены еще в 1918 г.⁴, однако документация Центральной комиссии по улучшению быта ученых на протяжении 1920-х гг. делила научных работников на пять (I, II, III, IV, V), а с 1928 г. – на три («А», «Б» и «В») категории, в разной степени обеспеченные объемом социально-экономических благ, а в 1931 г. и вовсе уступила место Комиссии содействия ученым (далее КСУ), окончательно утвердившей принцип ранжированного, а не профсоюзного обеспечения научных работников в соответствии с так называемым списком КСУ, включавшим всего около 2000 фамилий ученых.

Постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. были введены научные степени доктора и кандидата наук и ученые звания, разделившие научных работников в научно-исследовательских учреждениях на действительных членов, старших и младших научных работников; а в вузах – на профессоров, доцентов и ассистентов. Одновременно до 1 января 1936 г. допускалось присвоение ученого звания доцента и профессора без предварительного получения соответствующей ученой степени, но на основании «заслуг» перед наукой (наличие научных работ) или народным хозяйством. Только в постановлении СНК СССР от 20 марта 1937 г. «Об ученых степенях и званиях» указывалось, что звание профессора присваивается лицам, имеющим ученую степень доктора и ведущим основную преподавательскую или руководящую исследовательскую работу в вузах или научно-исследовательских учреждениях.

В соответствии с историографическим клише «репрессированной науки»⁵ логично предположить, что положение в статусной номенклатуре коррелировало с уровнем «политической сознательности» ученого, как минимум проявлявшегося в его членстве в ВКП(б) или ВЛКСМ. Попробуем провести анализ данного индикатора (партийности) научных работников, обратившись к разработочным таблицам списков научных работников научно-исследовательских учреждений, профессоров и доцентов вузов на 1 января 1937 г., отложившимся в Российском государственном архиве экономики (далее – РГАЭ), фонде Центрального управления народно-хозяйственного учета (далее – ЦУНХУ).

В табл. 1 представлено соотношение научных работников – членов и кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ против беспартийных в разрезе по научным степеням и ученым званиям.

Таблица 1

Научные работники научно-исследовательских учреждений
и вузов СССР: 1937 г.

Ученые звания	Всего	Ученая степень			
		Не имеет	Доктор наук	Кандидат наук	Не указавшие наличие у/с
Действительные члены учреждений (утвержденные и исполняющие обязанности)	3121	811 ⁶	1317	622	371
Члены и кандидаты ВКП(б)	376	102	138	85	51
Члены и кандидаты ВЛКСМ	11	3	5	1	2
Беспартийные	3012	706	1174	536	318
Старшие научные работники (утвержденные и исполняющие обязанности)	19 165	12 151	389	3360	3265
Члены и кандидаты ВКП(б)	2685	1628	27	516	514
Члены и кандидаты ВЛКСМ	746	459		175	112
Беспартийные	15 734	10 064	362	2669	2639
Младшие научные работники (утвержденные и исполняющие обязанности)	15 286	14 303	12	239	732
Члены и кандидаты ВКП(б)	1559	1435	2	33	89
Члены и кандидаты ВЛКСМ	1407	1337	1	24	45
Беспартийные	12 320	11 531	9	88	598
Профессора (утвержденные и исполняющие обязанности)	5413	2636	1207	572	998
Члены и кандидаты ВКП(б)	640	344	85	68	143
Члены и кандидаты ВЛКСМ	12	9	1		
Беспартийные	4761	2283	1121	502	855
Доценты (утвержденные и исполняющие обязанности)	13 699	9770	69	1432	2428
Члены и кандидаты ВКП(б)	2455	1683	10	328	434
Члены и кандидаты ВЛКСМ	449	318		77	54
Беспартийные	10 795	7769	59	1027	1940
ИТОГО	56 684	39 671	2994	6225	7794

Расчеты, произведенные автором на основе: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 667. Л. 1.

Как показывает табл. 1, соотношение беспартийных научных работников научно-исследовательских учреждений и вузов составляло 82,2% против 17,8% научных работников – членов и кандидатов ВКП(б) – ВЛКСМ⁷, распределение же в соответствии со статусной иерархией выглядело так: в группе действительных членов научно-исследовательских учреждений и профессоров вузов беспартийные составляли соответственно 96,5% и 87,9%, в группе старших научных работников и доцентов – соответственно 82,1% и 78,8%, в группе младших научных работников – 80,6% (по ассистентам сведений нет и в расчетах они не учитывались).

Одновременно этот расчет показывает, что удельный вес партийных и комсомольских кадров был немного выше в научно-образовательной сфере (среди профессоров и доцентов вузов) по сравнению с научно-исследовательскими учреждениями (среди действительных членов и старших научных работников). Если сравнить показатели, то из общего числа профессоров и доцентов вузов беспартийные составляли 81,3%, из общего числа действительных членов и старших научных работников – 84,1%.

Несмотря на некоторое число научных работников, не ответивших в анкете на вопрос о наличии у них ученой степени доктора или кандидата наук (хотя по факту вычисленная погрешность составляет 13,7%), попробуем предположить, влияло ли наличие членского / кандидатского билета на возможность ее присуждения. Однозначно нет: согласно данным, приведенным в табл. 1, среди докторов наук беспартийными были 91% научных работников, среди кандидатов наук – 77,5%.

При этом табл. 1 не фиксирует искусственного торможения должностного карьерного роста в научной организации при наличии присужденной степени доктора или кандидата наук. Для подтверждения этого тезиса будем исходить из допущения, что в соответствии с постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. присуждение докторской степени автоматически влекло за собой получение ученого звания профессора / действительного члена, а присуждение кандидатской – получение ученого звания доцента / старшего научного работника. В первой группе соответствия – профессоров / действительных членов с докторской степенью – доля беспартийных составляла 90,9%; во второй – доцентов / старших научных работников с кандидатской степенью – 77,1%. Величина этого показателя совпадает с величиной вычисленной ранее доли беспартийных внутри указанных статусных групп.

Одновременно следует признать, что табл. 1 показывает искусственное форсирование научной карьеры ученых – членов и

кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ. Так, среди научных работников, не имевших ученой степени, но получивших после 1934 г. ученые звания действительного члена / профессора и старшего научного работника / доцента (в этом случае из расчетов были исключены младшие научные работники), беспартийными были только 46,9%. Эти данные подтверждают высказанное ранее в историографии суждение Л.А. Козловой о том, что двухгодичный «тайм-аут» (с 1934 по 1936 г.) был использован для присуждения ученых званий без защиты диссертаций научным и педагогическим деятелям, проявившим себя за годы советской власти⁸. Я хочу лишь подчеркнуть, что в этой группе – получивших высокий должностной статус не имея соответствующей научной квалификации – была велика и доля беспартийных научных работников.

Анализ данных, представленных в табл. 1, позволяет сделать выводы: 1) об узости партийно-комсомольской прослойки в научном сообществе 1930-х гг.; 2) о некоторой диспропорции распределения партийно-комсомольских научных кадров как среди статусных групп (наибольшее число среди младших научных работников; наименьшее – среди профессоров и действительных членов), так и в кадровом составе научных организаций (научно-образовательных и научно-исследовательских учреждений; 3) о неограниченной возможности присуждения ученых степеней доктора и кандидата наук и получения соответствующих им ученых званий для беспартийных научных работников; 4) о существовании в период 1930-х гг. механизма продвижения партийных и комсомольских научных работников – путем представления к научному званию без защиты диссертации (однако эта мера не применялась исключительно к партийно-комсомольским кадрам – доля беспартийных научных работников в указанной группе составляет более 45%).

Уточнив вопрос взаимосвязи приобретения научных статусов и партийности ученых, обратимся к еще одному любопытному сюжету. Речь идет об удельном весе партийно-комсомольской прослойки среди ученых, включенных в систему привилегий, социально-экономических льгот. Как уже отмечалось, Комиссия содействия ученым при СНК СССР, сменившая в 1931 г. Центральную комиссию по улучшению быта ученых, действовала по принципу ранжированной организации. Существовал так называемый список ученых КСУ, включавший в себя около 2000 фамилий ученых. Они пользовались дополнительным денежным обеспечением, ведомственными больницами, домами отдыха и санаториями, мастерскими по пошиву одежды, получали персональные и академические пенсии, премии и т. д.⁹ Логично предполагать, что в распределении

благ все-таки учитывалась лояльность ученых к власти, выражавшаяся в их партийной принадлежности. Однако статистическая сводка к списку ученых Комиссии содействия ученым при СНК СССР от 1 сентября 1937 г., выявленная в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГА РФ), утверждает иное. Данные, приведенные в табл. 2, демонстрируют соотношение партийной и беспартийной прослойки в привилегированной, включенной в систему распределения социально-экономических благ, части научного сообщества.

Таблица 2

Статистическая сводка к Списку ученых Комиссии содействия ученым при СНК СССР: 1937 г.

Науки	Общее число научных работников	Партийных	Беспартийных
Точные и естественные	742	55	687
Медицинские	463	44	419
Инженерно-технические	315	15	300
Сельскохозяйственные	129	11	118
Социально-экономические	333	119	214
Всего по всем наукам	1982	244	1738

Расчеты, произведенные автором на основе: ГА РФ. Ф. 4737. КСУ. Оп. 1. Д. 822. Л. 13.

Как видно из табл. 2, доля партийных ученых в списке КСУ составляла 12,4%, беспартийных – 87,6%. При этом наибольший процент партийных сил приходился на социально-экономические дисциплины (35,7% партийных и 64,3% беспартийных научных работников), другие же дисциплины демонстрировали удивительную картину: из включенных в список КСУ были беспартийными 90,5% представителей медицинских наук, 91,4 – сельскохозяйственных наук, 92,6 – представителей точных и естественных наук, 95,2% – представителей инженерно-технических наук.

Возможно, речь идет о «старых кадрах», о наиболее квалифицированной части научного сообщества, с которыми было действительно трудно конкурировать вновь пришедшим в науку партийным силам. Однако, судя по данным разработочных таблиц ЦУНХУ (табл. 1), состав списка КСУ скорее отражает общее про-

центное соотношение партийных и беспартийных ученых в науке того времени.

Обратимся к еще одному источнику – списку молодых ученых КСУ (их учет велся отдельно). В ГА РФ удалось выявить статистическую сводку к этому списку за 1935 г., она приводится в табл. 3.

Таблица 3

Статистическая сводка к списку молодых ученых Комиссии содействия ученым при СНК СССР: 1935 г.

Науки	Всего	Партийность			Не указано
		Член ВКП(б)	Член ВЛКСМ	Беспартийный	
Точные и естественные	144	19	11	43	71
Медицинские	72	5		17	50
Инженерно-технические	81	7	1	16	57
Сельскохозяйственные	18	2		1	15
Теоретические	20	6	1	1	12
Всего	335	39	14	78	205

Расчеты, произведенные автором на основе: ГА РФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 720.

Табл. 3 показывает большое количество молодых ученых, не заполнивших графу «партийность» в анкетах, поданных в Комиссию содействия ученым. Хотя это почти сводит на нет мои дальнейшие расчеты, наличие этой лакуны само по себе показательно – она говорит о стремлении скрыть отдельные факты биографии молодых научных работников, включенных в систему привилегий. Косвенно это может свидетельствовать об осторожности молодых ученых-соискателей при оформлении документов, либо об осторожности самих членов КСУ, составлявших статистическую сводку для документооборота СНК СССР.

Обратимся к зафиксированному в источнике данным. Доля научных работников, подтвердивших свою принадлежность к ВКП(б)–ВЛКСМ в списке молодых ученых составляла 15,8%. Как и в основном списке, наибольший удельный вес партийных сил приходился на теоретические науки (35% научных работников, сделавших отметку в графе «партийность»), за ними следовали точные и естественные науки (20,8%). Кроме того, мы можем с уверенностью говорить, что

из включенных в список молодых ученых КСУ партийными были почти 10% представителей инженерно-технических наук; 11,1% – сельскохозяйственных наук и 6,9% – медицинских наук. Показатели, на мой взгляд, низкие, но, безусловно, они выше соответствующих показателей основного списка КСУ.

Таким образом, данные табл. 3 и 4 свидетельствуют о том, что включение в список КСУ обуславливалось не столько наличием у научного работника партийного или комсомольского билета, сколько его личным соответствием квалификационным требованиям¹⁰ и, возможно, научной специализацией – в списке обращает на себя внимание количественный удельный вес представителей точных и естественных, медицинских, инженерно-технических наук в противовес социально-экономическим (теоретическим)¹¹. И в этом случае линейной корреляции не выявлено.

Итак, на поставленный вопрос о взаимосвязи между партийностью ученого и его положением в статусной номенклатуре статистические данные дают отрицательный ответ. Говоря иными словами, в 1930-е членство в партии не являлось условием ни для присуждения научной степени доктора или кандидата наук, ни для получения высокого научного звания, ни для доступа научного работника к социально-экономическим привилегиям. Значение скорее имела личная научная репутация ученого, его соответствие квалификационным требованиям, в случае списка КСУ – предположительно, научная специализация, но ни в коем случае не демонстрируемая ученым в виде партийного или комсомольского билета политическая лояльность власти. С другой стороны, документы не показывают и жесткого, административного запроса на партийность ученых со стороны государства – в статистической документации отсутствуют факты ограничений карьерного роста для беспартийных научных работников. Таким образом, немного изменив исследовательский ракурс, взаимодействие власти и научного сообщества в предвоенное время можно рассматривать не с точки зрения конфликта, а с точки зрения сотрудничества.

Примечания

¹ Подробнее о структурирующих, упорядочивающих, объединяющих характеристиках научного сообщества см.: *Бурдые П.* Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб.: Ин-т социологии РАН, 2001. С. 19–36.

- ² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1/1926. Д. 63. Л. 9, 66–70.
- ³ О практиках неофициальных диспутов в среде историков, например, см: *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920) // *Российская история*. 2014. № 2. С. 77–90. О примере такого диспута: *Долгова Е.А.* «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж...»: о планах П.А. Сорокина в 1922 г. // *Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы* / Отв. ред. П.А. Трибунский. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 254–271.
- ⁴ Всем лицам, самостоятельно ведущим занятия в вузах, автоматически присваивалось звание профессоров, остальным – преподавателей (приват-доценты, проработавшие в этой должности не менее трех лет, также получали статус профессоров. Об этом см.: *Иванов К.В.* Новая политика образования в 1917–1922 гг. Реформа высшей школы // *Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (Конец 1880-х – 1930-е гг.)*. М.: НЛЮ, 2012. С. 359–380.
- ⁵ Подвластная наука: Наука и советская власть / Ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М.: Голос, 2010; *Курепин А.А.* Наука и власть в Ленинграде: 1917–1931 гг. СПб.: Нестор, 2003; *Романовский С.И.* Наука под гнетом российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999; *Перченко Ф.Ф.* Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: [Б. и.], 1995; *Репрессированная наука* / Под ред. М.Г. Ярошевского. Т. 1–2. М.: Наука, 1991–1994; и др.
- ⁶ О невысоком количестве защищенных в 1933–1935 гг. докторских и кандидатских диссертаций см.: *Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 гг. // *Социологический журнал*. 2001. № 2. С. 145–159.
- ⁷ Здесь и далее – расчеты автора.
- ⁸ *Козлова Л.А.* Указ. соч. С. 153.
- ⁹ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации: 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. С. 102–105.
- ¹⁰ В цитируемом документе приводятся подробные сведения об ученых, включенных в списки, по квалификационным категориям: «Ученое звание», «Докторская степень», «Заслуженный деятель наук» (ГА РФ. Ф. 4737. КСУ. Оп. 1. Д. 720, 822). Существуют и подробные именные списки ученых, включенных в систему привилегий КСУ. В рамках статьи эти данные не приводятся.
- ¹¹ Здесь нужно принимать во внимание и количественное распределение ученых по дисциплинам: так, медицинские науки уверенно лидировали по количеству научных работников; сельскохозяйственные науки, напротив, находились на последнем месте. См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 667.